

На пороге

И ты открываешь дверь – ты уже на пороге.
Дорога бежит куда-то, кончаясь дымкой.
У Будды сто жизней. И если он в Йемене не был,
То может не торопиться: еще не вечер.

И ты не торопишься тоже: хорей, анапест.
Идешь, спотыкаясь в ямбы, почти не глядя.
Зачем же смотреть, как отрывает крылья
Мальчишка бабочке желтой, Мнемозине?

Ты выпит до дна через соломинку Геры.
И что не давало покоя дамочке этой?
Сто жизней она не имела, однако – вечность.
Но можешь не торопиться: еще не вечер.

Бескрылая бабочка станет куколкой снова.

А в окне – уходящие поезда,
мимо крыш черепичных,
как мимо нот.
наступаешь, падаешь ли – всегда
жизнь докажет, что лучше б
наоборот.
И улиткой голой по мокрой зге,
шевелия рогами
туда-сюда,
все ползешь, доколе родной сапог
не раздавит мельком
тебя.

я бы хотела выстоять
заново выпестать
душу и тело
я бы летела издали
удалью выстрелом
ангелом демоном
я бы пропела мантру
Господи Господи
где мое место
я б дожила до завтра
бабою дурую
черной невестой

В твои раскосые вёсны,
в твои дорожные чеки,
в твои мобильные связи –
в твои...
Мои озябшие руки,
мои кредитные story,
мои больные вопросы –
один, два, три...
Уткнуться в белые стены,
повиснуть жалкой гардиной
в двадцатой съемной квартире –
ничьей.
В твои парижские будни,
в твои бумажные кипы,
в твои любимые руки –
твоей.

Как утонувшая в луже звезда –
Не расплываться в улыбке.
Как несмолкающие города –
Дробью чеканить ошибки.
Стенографировать близкую связь
Между тобой и вселенной,
А на устах запечатал печаль
Ангел, а может быть, гений.

Тайна

И когда распахнутся усталые веки,
Что тяжелыми ставнями были закрыты –
Навсегда растворится капсула лета,
Как янтарная свечка, в изнеможении.

Обнаружится тайна тысячелетья
Так внезапно, словно детское слово,
И растает туманной млечной дорогой,
Будто не было лета, не было тайны...

Со времен сотворения дольного мира
Будто не было грусти более вязкой,
Чем суглинок да ил на погосте дождливом,
Когда судьбы смежались, веки дрожали.

Родина

Здесь небо цвета спелой мухи...
И водку пьют на завтрак бодро.
А рубят лес, конечно, зэки.
Летят не щепки – руки, ноги!

Здесь небо цвета сочной грязи...
Я ухожу: откройте хляби.
И если от сумы ты скрылся,
То из тюрьмы не можешь в князи!

Здесь небо до того стервозно,
Что, содрогаясь поминутно,
Мы пьем в мороз такие муки,
Что без похмелья – не серьезно!